

Слуга государев

Особенностью государственного развития нашей страны в середине семнадцатого века являлось совершенствование таможенного законодательства. Защита национальных интересов России через тарифы – была задачей первостепенной. В 1649 году этому послужила отмена привилегий в вопросах торговли иностранцам. Однако первый таможенный тариф, закрепленный в Уложении от 1649 года, был сложным и запутанным, требовал изменений. В 1653 году царь Алексей Михайлович подписал Именной Указ «О взимании таможенной пошлины...» Это явилось началом таможенной реформы. Но оставались задачи не менее важные, связанные со злоупотреблениями. Реформа нуждалась в постоянном развитии, и «государевы люди» приняли вызов времени. На всех уровнях общественной жизни завязалась жестокая борьба между интересами частными и интересами государства.

Чуден город О. весной. Уютный, ладный. Сады, коих в избытке по берегам неспешно несущей воды Оки, зеленым цветом приукраситься спешат. Перезвон птичий, детские голоса, смех девиц «на выданье», словом, живи и радуйся. Но не до красот сейчас старосте целовальников Василию Прокопьевичу Рябову. Сказавшись больным, на службе не появился, а заперся в доме. Тяжелые думы одолевают казначея местной таможни: так ли челобитная составлена, не заденет ли что в его письме высокого московского вельможи? Не сочтет ли его царский посланник за пустого ябедника? Не должен бы, конечно: каждый приказный человек обязательства на себя брал «дела всякие делать и судить вправду, государевы казны всякие беречь и ничем государским не корыстоваться». Так ведь и он, Рябов, Государю своему, Царю Алексею Михайловичу, присягал. И он крест целовал. Стало быть, оба они – государевы люди, каждый на своем месте. Да и выбирали его, Рябова Василия, всем миром среди посадских людей и крестьян, что б «на веру» служил. Как и остальные таможенные люди, коих на год избирали. Служили они безвозмездно, по сути – повинность отбывали. Но не в тягость была служба Рябову. Как и зятю его, таможенному стражнику Ивану Мохову. Тому, хоть едва двадцать минуло, а службу на пользу государству верно понимал. Быть может, еще и поэтом с легким сердцем отдал Рябов дочь Анастасию за этого ладного парня. А вот и он, легок на помине. Вышагивает аршинным шагом к дому.

Рябов спрятал за голенище сапога челобитную и поспешил навстречу Ивану. Но его опередила Анастасия. Встретила Ивана

у порога, на шею мужу кинулась. Залюбовался из окна молодыми: хорошая пара, всем на зависть. На короткое время тяжелые мысли отодвинулись, о внуках будущих подумал. Вспомнил: на рыбалку с Иваном собирались.

По торговому ряду города О. неспешно двигался внешне ничем не примечательный человек средних лет. Наблюдал жизнь городскую, к разговорам прислушивался. У лотка с гребнями задержался. Гребни для расчесывания были слабостью и единственной роскошью, которую порой позволял себе один из самых умных и неподкупных чиновников изо всех приказов, что размещались в двухэтажном каменном доме в Кремле. Прибыл в город дьяк Большой казны Илья Петрович Морозов тайно, по обычаю своему, – «понюхать, прощупать», чем местный люд дышит. От него, Морозова, зависит – перевести ли здешнюю таможню на откуп, или на «вере» оставить. Есть и еще одно важнейшее поручение, о котором и в приказе не знают. От самого Матвеева, ближнего боярина царя. Государственной важности дело. Потому трижды внимательным ему, Морозову, быть надлежит, ни одной мелочи упустить права не имеет государев слуга. Даже то, как народ реагирует на шутки скоморошья. Со смыслом, впрочем, шутки. И куклы тряпичные, видать, кое-кого напоминают, раз смеется народ. Ага – воеводу жадного избражают! Похож на местного воеводу? Наверняка: просто так народ потешаться не станет...

Случайный разговор услышал: лето 1654-го недород обещает из-за засухи. Отметил про себя: в будущих пошлинах на хлебные товары недобор может случиться, да и пошлин на скот касается. Но –

словно кольнуло что.

Взгляд в толпе поймал – пристальный, внимательный. Неуютно стало.

Первым о появлении в городе Морозова узнал купец Мирон Саватеев. Еще бы: хозяин постоянного двора, где важный гость останавливался, – свой человек. А к появлению высокого чиновника Мирон подготовился, так как интерес в делах таможенных имел. Задуманное им сулило прибыль не малую.

Умный и дальновидный Саватеев давно протоптал дорожку к дому, еще при Борисе Годунове построенному, между Спасскими воротами и Архангельским собором, где находились Четверти, ведающие таможенным управлением державы. Все Приказы обошел: и Разрядный, и Большого прихода, и Казанского дворца, и даже Сибирский. Не сразу уездный купец смог разобраться в хитросплетениях московских. Опять же – с пустыми руками не сунешься. Но тут осторожность нужна. Знал Саватеев, что

Портрет царя Алексея Михайловича

К.Маковский. Боярский свадебный пир в XVII веке

приказный человек обязательства на себя брал серьезные: «посулов ни от кого и ни от чего не иметь, а дел государевых тайных всяких никому не сказывать». Но «давать» Мирон умел и чуял – кому. Подсказали: успех дела во многом от Приказа Большой казны зависит. Купец и тут, кого надо, «задобрить» умудрился. Убеждал приказных, что таможеню в городе О. выгоднее для державы ему, Саватееву, на откуп отдать. Дело-то известное: вносит он в государеву казну сумму денег не меньшую, чем средний таможенный сбор за прошедший год, а потом – знай, собирай пошлину в свою пользу. А, поскольку дела на местной таможене идут ни шатко, ни валко, то для государства так надежнее получается. А то – с их воеводой и таможенным головой можно и этой суммы на следующий год не собрать. Приказные кивают: согласны, поможем. Но не все так просто оказалось. И первым на пути планов Саватеева оказался настоятель местного монастыря игумен отец Тихон. Тот давно уже тайно добивался, чтобы право сбора пошлины его монастырю предоставлено было. А тут и случай под-вернулся...

У Рябова с зятем под высоким берегом Оки свои заветные места для рыбалки. Вот и на этот раз надежда на улов не обманула: окуни, щуки отменные попались. Вечереть начинало, костерок развели, чай на травах попили. Домой пора бы, да Василий Прокопьевич не спешит: ступай, мол, Иван, а я на закат полюбуюсь, да и «вешки» еще раз проверю. Чувствует парень,

что не в рыбе дело: тяжелые думы тестя гнетут. Но перечить не стал, поднялся и к дому пошел. Послышалось – ветка в кустах хрустнула, и вроде тень человека мелькнула сбоку. Постоял, прислушался. Нет, показалось. Да и кому бы таиться: не купцы они, чтоб их грабить. Да и столько раз здесь зорьку утреннюю встречали. Однако недоброе под сердцем шевельнулось.

А староста целовальников, проводив взглядом Ивана, снова мыслями к челобитной своей вернулся. Надо еще раз все обдумать: слишком многое в судьбах людей от его письма зависит. А, прежде всего – людей близких. Шутка ли: воеводу и таможенного голову в казнокрадстве обвинить! Ну, создал Фома Фомич свою «воеводскую приказную избу». Так за ним военная власть, от него во многом положение таможенников зависит. Может отпереться: не так, мол, целовальники пошлину собирали, самому вмешиваться пришлось. А то, что с согласия головы таможни, руку в таможенный ларь запускал, так то – навет. А коли, чего не так – с казначей спрос, Рябова. Голова таможни Хрюков первым его и обвинит.

В малой трапезной монастыря Михаила Архангела просто и уютно. После молитвы и при свечах – угощение, хоть и незамысловатое, а вкусное. Умеет отец настоятель гостю угодить. И разговор под-держивать. Даже на темы, от церкви далекие. Вон как об Именном Указе с боярским приговором о таможенной пошлине с товаров дельно рассуждает. словно сам государю

указ сей на подпись представлял. И дату не перепутал – 25 октября 1653 года.

Тиха речь игумена Тихона, но обстоятельна.

– То, что за утайку товаров и занижение их продажной стоимости конфискация следует – верно. То, что при повторном нарушении полагается «бить кнутом нещадно», тоже хорошо придумано. Но как быть, коли таможенные головы и целовальники пошлину завьшают?

Усмехнулся про себя Морозов, отвечая: «А разве не ведомо тебе, что за то – наказание без всякой пощады полагается? К чему клонишь, отец Тихон?»

И отец настоятель усмехнулся, и тоже – про себя: а ведь и ты не прост, Илья Петрович. Кивнул: полагается, конечно, так ведь злоупотребляют же, да так хитро, что порой и не подкопаешься. И далее мысль развивать стал.

Скажем, пошлины установлены там, где их быть не должно: на мостах, торгах, плотинах. Перевозчики объявились, что платить не хотят в месте установленном. Высокими чинами прикрываются. Складно все излагает.

«Уж, не на воеводу ли намекаешь, игумен?» – мыслит Морозов.

А дьякон – все о не порядках, на чиновника поглядывая. Видит, как на рябом от оспы лице желваки играть начинают. Заострился нос крючковатый, темным светом глаза загорелись. Эх, не зря тебя приказные меж собой «грозным» кличут. Уж не намек ли то на царя Ивана Васильевича четвертого?

Словно угадав мысли игумена, Морозов придал себе вид смиренный.

Тихон порадовался про себя: зацепило, похоже. Улыбнулся гостю:

– Семги попробуй, чадо, да и грибков не забудь.

А ведь ничего конкретного. Главное – ни имени, ни зацепки святой отец не указал. Ищи, мол, сам казнокрадов. Голова таможни, воевода, казначей? Пригладил волосенки черепаховым гребешком Морозов.

– Сам на таможеню метишь, батюшка?

– А кому хуже от того будет? Мо-нахи – народ проверенный. Красть не станут, как эти.

А кто они, «эти», снова не обозначил. Хитер игумен. Умен.

Тихон улыбнулся, молча: теперь лишь бы Рябов не подвел. Это он, игумен, и подсказал Рябову к приезжающему чиновнику обратиться, все злоупотребления на бумаге изложить. Благословил и ожиданием запаса. Одного не учел «чернец»: начальство к Рябову давно не ровно дышало, считая слишком честным, а потому – опасным. Русь это, аль забыл, отче?

Вспоминали Рябова и в доме воеводы. Изрядно Фома Фомич лютовал.

– Хрюков, пес ты, староста где? Не поймаем, сам под суд пойдешь!

Бледнел и краснел от ругани воеводы голова таможи Хрюков.

– Фома Фомич, все на него спешится! Как мы с вами и решили...

– Э, ты это брось, Хрюков! Я с тобой ничего не решал. Запомни: коли чего не так пойдет... Где сейчас Рябов этот, почему не знаешь!

Хрюков от страха даже в росте уменьшился, пролепетал:

– Ищут, Фома Фомич. На рыбалке он, кажется...

Воевода по столу кулаком хрястнул, прорычал:

– «Кажется»! Креститься надо. Кстати, почему этот дьяк московский сначала к игумену нашему отпирался, а не к тебе, скажем, а? В монастырь и Рябов твой частенько наведывался в последнее время. Чуешь, к чему?

У таможенного начальника соображения на сей счет были, но Хрюков предпочел промолчать. Меньше говоришь, себе дороже. Да и не по душе ему то, что воевода задумал. Как говорится, кровь лей, да дело разумеи. В том, что кровь прольется, не сомневался: видел, уходя, как к воеводе тень зловеющая проскользнула. Митька одноглазый, убивец известный, – зачем здесь? То-то и оно. Мурашки по телу таможенного головы пробежали. Чур!

Царь Алексей Михайлович взглянул в чистое московское небо. Жизнь идет своим чередом, а потому приятно в эти утренние часы взглянуть на заботы дня грядущего. Осталось немного для прихода людей ближних, до принятия решений серьезных. Окинул взглядом комнату, знакомые предметы: часы, подарок немецкого кесаря, письменный прибор у стены и поставец с посудой, лавки, оби-

тые красным сукном. Перо в руках потерябил, вставил его в особую трубочку на столе.

Основательной походкой вошел боярин Матвеев. Голубые глаза боярина выжидающе взглянули на царя. Заметил Матвеев лебединое перо на столе. Птицы не только к столу царскому надобны, конечно. Много этой красивой птицы в пруду перед дворцом царским. Любил лебедей из рук кормить Алексей Михайлович. А еще любил подписывать лебяжьим пером важнейшие указы. То, что перо сейчас было в трубочке на столе, а не на приборе у стены, означало, что государь созрел для принятия важного решения. Или – почти созрел. Недаром еще раз изучил списки «крестоприводной записи» от 1630 года, где требова-

А.Рябушкин. Едут (Народ московский во время въезда иностранного посольства в Москву в конце XVII века)

ния к государственному чиновнику прописаны. Основательно к вопросу подошел, ведь речь о делах мытных. Необходимость назрела прекратить таможи на откуп отдавать. По причине недостаточного учета за взимаемыми пошлинами.

Так «ближние» советовали. Да стоит ли спешить? Мало ли среди чиновников воров? Купцов, пожалуй, стоит поприжать. А вот монастыри злить не следует. Мало разве было хлопот с монахами Соловецкими? Те по новому преданию творить не хотели, имя Иисуса по-старому – Иисус – желали писать. Войска посылать пришлось. Без крови обошлось, а осадок остался. А как снова взбунтуются?

Многое понял Матвеев, заметив перо лебедея и бумаги на столе. Знал он, что не хотелось царю кардинально что-то менять. Однако необходимость в переменах назрела: страна, наконец вздохнувшая от вечных войн и смут, полноводной рекой радостно устремилась к одной ей ведомой цели. Еще вчера разумные указы и положения сегодня уже не попевали за этим бегом.

Никогда, даже в самое жуткое лихолетье, государство не держалось волею единого правителя. Всегда у трона были те, на кого опереться можно. Главное: таких людей распознать и к себе приблизить. Понял это Алексей Михайлович. Потому рядом – Алмаз Иванов, Федор Ртищев, Артамон Матвеев. Без опоры трона немало страдала Русь, погибала. Что потом через уродство возрождалось, ведомо царю. Сам через это прошел, когда страну принял. Потому – опору искал и нашел. А главное – доверял «ближним».

Матвеев, к примеру, – дьяка польского сына. Из худородных, но умен и предан. Всюду у него свои люди имеются, толковые и надежные. И не важно: из бояр, или из простых людей. Главное – чтоб за государство радели.

Берется царь за лебединое перо, на Матвеева смотрит:

– Думаю, Артамон Сергеевич, подписать нам следующее надо...

Огромный кот серебристого цвета перед царем на столе возник. На указ, что с утра царь правил, уселся. Чудо это хвостатое и заморское было подарено царю шотландкой Гамильтон, женой Матвеева, и пользовалось у государя особой благосклонностью. До поры. Рассердиться хотел Алексей Михайлович, даже руку для шлепка поднял, но опустил, глядя в наглые желтые глазищи. Ладно, мол, Алекс, живи пока. Кот благодарно

замурлыкал, лапой к лебяжьему перу потянулся, когтями его зацепил, из руки царя тянет.

Переглянулись с улыбкой царь и боярин: повременим с подписью.

– Так что тебе, Артамон Сергеевич, посланные тобой люди доносят?

– Разное, Алексей Михайлович, но все пока к одному сводится. Поскольку дело таможенное прибыльно, то и драка за него везде идет. Каждый свой кусок оторвать желает. С кровью порой рвут. Особенно те, у кого силы больше. Конечно, всех вороватых голов таможенных и воевод не сместишь, сразу все не выправишь, но соображения имеются...

Кивает царь головой, кота поглаживает, прислушивается к неторопливой речи боярина. За то тот и люб Матвеев Алексею Михайловичу, что горячки не порет, а путь к решению задачи нащупать умеет. Вот и ныне:

– Показателен, государь, во многих смыслах город О. Там, как в капле дождевой многие лучи-проблемы сходятся, давно за этим уездом наблюдаю. И сейчас там проверенный человек, дьяк Морозов. Записки подробные шлет.

– И чего же в тех записках? – отстранил царь кота, главу чуть склонил.

Боярин кота за уши потрепал, взглянул на царя с хитринкой в глазах:

– В том-то и дело, государь, что внешне ничего необычного. Конечно, недостача – в казне таможи,

куда ж без этого. Воевода тоже не совсем чист, как водится. И претенденты серьезные имеются, чтоб на откуп таможи взять, выгоду казне сулят. Однако, как верные люди доносят, где откуп, там – злоупотребления еще большие. Разоряется торговый люд. И еще...

Достал из кармана боярин бумагу мятую, в пятнах бурых, разгладил. Кот Алекс напрягся, прихотился: кровью бумага мечена. Взглянул глазом мудрым на царя, словно знал, какие события несколько дней назад место имели в городе О.

Иван Мохов пробирался берегом реки к тому месту, где накануне с тестем расстался. В голове – разброд и мысли нехорошие.

Утром ворвались в дом люди воеводы. Допытывались, где Рябов, вор и казнокрад. Весь дом перерыли: искали что-то. Как ушли, Иван медлить не стал. Жену в соседний уезд к родственникам спешно отправил, а сам – на поиски тестя.

Нашел Иван Рябова на песчаном плесе, где река поворот делает. Еще живого нашел. Вокруг старосты таможенного лежали запертые трое. В одном из них Иван сразу признал Митьку Косого, человека уездного воеводы. Бивал Митьку Иван на кулачных боях, что зимой на реке устраивать любили. С тех пор Митька злобу затаил, все кривым ножом татарским Ивану грозился. А ныне нож этот по самую рукоятку в грудь парня вошел. Глядел в небеса мутный глаз Митьки с удивлением: как же так?.. Да,

славно отбивался от нападавших Рябов, но только ненадолго обидчиков пережил.

– «Чиновнику московскому доставь это», – последнее что слетело с запекшихся от крови уст Рябова. Закрыв навеки глаза слуга государев, а в руках у Ивана челобитная осталась, что Рябов писал. Важная, видать, бумага. Ее-то и искали наверняка люди воеводы. А доставить как, через кого?

Половина таможенной охраны – земляки Ивана, из соседнего уезда, люди надежные. Но и дело такое, что самому надо бумагу передать. И незаметно – наверняка следить за ним будут. Крепко задумался Мохов.

Неспешно расчесывал бороду дьяк Морозов. Мрачен московский чиновник и зол: до правды никак докопаться не может, а должен.

С утра на таможе побывал. Там недостача в казне обнаружена. А причина ее – староста-казнокрад, что в бега подался. Воевода и голова таможенный уверяют, что ищут сбежавшего Рябова везде. Ну-ну: уж больно гладко все один к одному укладывается: только пропажа обнаружена, а тут и староста сразу исчез, словно предупрежден был о ревизии. А быт таможенных людей хорошо налажен, изба казенная опрятна, большая печь выбелена недавно, охранники и стражники службой довольны. Дело свое староста знал. Вор ли?.. А здесь еще намеки и присказки местного богатея Саватеева. Со слов купца выходило, что конца этой свистопляске на таможе города О. не предвидится, если только ему, Саватееву, таможенное дело не передать. Мол, в перспективе для таможи и дом каменный не худо бы выстроить, даже смета имеется на семьсот рублей пять копеек. Вот вам, отец игумен, еще один претендент «на откуп». И наверняка – не последний.

Только что ушел купец, отдохнуть бы, мыслями пораскинуть, широко, как Матвеев учил, так нет – шум в прихожей, голоса. Докладывают: юродивый какой-то к Морозову рвется. Поморщился дьяк: не ко времени, но и как Божьего человека не принять...

Грязен появился человек: в рубище, всколочен. Ногами босыми к Морозову прошлепал, промычал что-то, на колени упал. И тут – тихо

Андрей Андреевич Карелин – Пишут наказ

дьяку:

– Не выдай. Бумага у меня к тебе. От старосты таможи убиенного.

Так нашел способ Иван Мохов записку тестя дьяку передать. Вот тогда вся картина происходящего в голове Морозова и сложилась. Срочно надо Артамену Сергеевичу доклад составлять. И к докладу и записку старосты присовокупить. А в Москву этот парень и отправится. А то тут так все переплетено, что никому, пожалуй, доверять нельзя. В честные глаза парня взглянул, вздохнул: « Молод, конечно, ну да, Бог даст, справится...»

Подумалось Алексею Михайловичу, что никогда таких вопросов не приходилось решать. А коли и случались, то не так душу томили. Тяжелым грузом легли слова Рябова, словно с того света посланные, на царя Руси.

– Так что же, боярин, лучше одному, купцу или игумену, власть над таможей отдать, чтоб было и спросить с кого одного? Но – спросить строго. И пошлину единую везде установим. Все к «откупам» возвращается?

– Оно бы так, государь. – Матвеев в окно на град Москву взглянул.

– А что не так, Артамон Сергеевич, просвети?

– А то, что пока имеются в отечестве слуги государевы, Рябову подобные, нельзя дела государственные на откуп отдавать. Да ты и сам об этом ведаешь, великий государь, хотя и не признаешься себе в том.

Поднял боярин взгляд смелый на царя. А тот – на кота смотрит: «Вот так, Алекс: хоть и царь я, а куда ж без сомнений? Но, пожалуй, отменить надо «откупа». Или держава слаба? « Кот – спину дугой: правильно, повелитель...»

Вот так, в связи с тем, что многие положения Именного Указа не выполнялись, 30 апреля 1654 года Алексей Михайлович подписал Именную Грамоту «О злоупотреблениях, происходящих от сдачи на откуп мытов, мостов, перевозов, съестных и других припасов, о стеснении тем народной промышленности и об уменьшении некоторых налогов».

В Грамоте провозглашалась отмена откупов при сборе торговых пошлин, и подтверждалось введение единой рублевой пошлины в

городах и селах. Сбирать пошлину поручалось «верным головам и целовальникам».

Спустя годы, лета 1672, октября 17-го, согласно особому приглашению, Алексей Петрович Морозов прибыл на действо театральное, первое на Руси. Событие ожидалось доселе невиданное и значительное. О комедиантах европейских слышать приходилось, а теперь и свои объявились. Что ж – и в этом европейским столицам теперь не уступаем. Да и негоже нам-то: вон как держава поднялась – всем соседям на удивление и на зависть.

Приехал Морозов загодя и теперь наблюдал, как на окраину Преображенской слободы съезжались гости: кто в карете, кто на лошади. Оставляли слуг и проходили внутрь. У ворот стояли четверо стрельцов в праздничных кафтанах и по списку пропускали гостей. Одним из первых прибыл боярин Матвеев, вдохновитель и организатор первого на Руси театра. За боярином следовал Иван Мохов, бывший стражник таможенный, ныне – серьезная фигура в Посольском Приказе. По протекции его, во власти продвинулся успешно. Со старосты таможенного начал, потом – главой таможи избран, был на учебу за границу послан. Важно раскланивается Мохов при входе. Заметив Морозова, приветливо кивнул, поклонился, не без почтения. Далеко пойдет. Однако вальяжен больше меры: засасывает власть-червоточина, к благам своим приручает. Ну, лишь бы служил честно, а остальное приложится. А этот из «низов» и нужды народа понимает.

Вспомнил Морозов, как некогда явился к нему Иван в городе О., юродивым прикинувшись! Ухмыльнулся в бороду: чем не комедиант? Да и он сам, Морозов, разве не по законам некой комедии по жизни движется?

Но – что это? Морозов не верил своим глазам: прямо на него с ухмылкой на румянном лице шел бывший воевода города О., что когда-то с позором снят был с воеводства, исчез на просторах Руси, спасаясь от суда.

Вот уж поистине: не потопляемы они, люди, что к власти когда-то присосались. А Фома Фомич кив-

К.Маковский. Русская красавица

нул Морозову, как старому знакомому, и в хоромину театральную проследовал. А тут и царский поезд прибыл.

Присутствующие склонились в поклоне. Улыбнулся царь, рукой взмахнул, и – счастлив люд. Вздрыгнул Морозов от неожиданной догадки: и для царя роль свыше прописана. Как и для всех. Важно понять ее правильно и принять достойно. Как некогда – простой таможенный староста Рябов.

Алексей Михайлович вошел в зал и занял место в царском кресле, обитом красным сукном. По бокам горели свечи. Слева от сцены сидел оркестр. Слюдяные окна светились разными цветами. Прошедший в зал Морозов видел, как блаженно и значительно улыбается Фома Фомич. Еще бы – он тоже комедиант на этом празднике жизни. Ну, да Бог всем нам судья.

Александр Матвеев,
драматург,
член Союза писателей России